

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О
НАРОДНОМ
ПРОСВЕЩЕНИИ В
НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Петр Андреевич Вяземский
Несколько слов о
народном просвещении
в настоящее время

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24503088

Аннотация

«Покойный граф Северин Потоцкий сказал: «En Russie tout ministère est difficile, celui de l'instruction publique est impossible». Если и не осудить себя на совершенную невозможность, то нет сомнения, что министерству народного просвещения суждено бороться с трудностями, которые в других министерствах не встречаются...»

Содержание

I	4
II	10
III	13

Петр Вяземский

Несколько слов о народном просвещении в настоящее время

I

Покойный граф Северин Потоцкий сказал: «En Russie tout ministère est difficile, celui de l'instruction publique est impossible».

Если и не осудить себя на совершенную невозможность, то нет сомненья, что министерству народного просвещения суждено бороться с трудностями, которые в других министерствах не встречаются.

В самом наименовании его есть уже задача не легко разрешимая. Все другие министерства имеют свой круг действия и способов – определенный, положительный. В сем министерстве все более или менее, условно и умозрительно. Например, министерство юстиции есть общий блюститель правосудия в государстве; оно применяет положительные законы к известным обстоятельствам и равно ко всем лицам; никто не будет опасаться, никто не будет жаловаться, когда оно

будет равно нелицеприятно, равно правосудно для всех лиц, для всех общественных разрядов высших и низших, богатых и бедных. Значенье и цель министерства финансов, со всеми отраслями его, также ясны и вовсе не двусмысленны; они заключаются в обогащении казны, для устройства и поддержания государственного и общественного благосостоянья; в развитии всех частных выгод с тем, чтобы частные лица могли повинностями своими содействовать общим потребностям не только не в ущерб себе, но даже и с сохранением своей пользы. Здесь также никому не придет в голову жаловаться, когда и казна не будет в долгах, и частные лица не будут в убытке.

О действиях военного министерства также разномыслия и разногласья быть не может. Все желают, чтобы войско было могущественно в духовном и материальном отношении: хорошо обучено, здорово, сыто, надлежащим образом одето, воодушевлено духом воинским, храбростью, самоотвержением.

Управление путей сообщения в одном своем наименовании включает свое назначенье всем доступное, никому не опасное, для всех желательное. Все желают, чтобы сообщения были везде удобные, как можно более распространены между городами с селами, дешевы, – чтобы мосты были всегда исправны, реки, по возможности, везде судоходны. И так далее по всем министерствам и по всем главным государственным управлениям.

При одном наименовании министерства народного просвещения возбуждаются многие вопросы. Что такое просвещение? Как понимать его? Как применить? до какой степени применять? В каких границах? Кому? Здесь уже в виду не ясные понятия, неразлучные с министерством юстиции, или министерством финансов. Речь идет не о том, чтобы все равно были охраняемы общими законами, или пользовались общею системою, развивающею народные средства, промышленные, торговые и денежные. Здесь идут сомнения и споры о самом существе, о самом начале вопроса, о развитии его. Спрашивается, должно ли ученым развивать умственные народные способности? Можно ли, должно ли всех просвещать? Не говорим уже в неограниченном смысле просвещения, то есть о том, чтобы каждому человеку, по дарованиям ему от Бога способностям, дать средства узнать что Богом дано знать человеку. Нет, мы говорим в самом ограниченном смысле просвещения. Например, о грамоте. Для многих не решен еще вопрос, можно ли, должна ли дать грамоту каждому человеку? или иначе, можно ли дать каждому крестьянину средство читать молитвы, катихизисъ, Ветхий и Новый Завет, и не грешно ли лишать его этой способности?

Об этом идут споры не только между ревнителями света и идолопоклонниками тьмы, но и между противниками, равно благонамеренными и добросовестными. Идут споры не только у нас, где просвещение еще не обжилося, не укоренилось, но даже и в странах, у которых образованность и просвеще-

ные считаются веками. Конечно, всему должна быть мера. Но как определить эту меру? Вот одно из главных затруднений в задаче просвещения.

Нет сомнения, что всеобщее энциклопедическое ученье не должно быть расточаемо без обдуманного и твердого руководства. Но нет сомнения и в том, что если неразборчивое ученье может быть вредно, то невежество есть всегда положительное зло. Впрочем, и те самые, которые добросовестно полагают, что опасно обучать простой народ, если они беспристрастно и без предубежденья всмотрятся в ход времени и событий, то и они должны признаться, что пора спокойного и душеспасительного *неведенья* миновалась. Новые поколения, даже и оставшиеся безграмотными, вкусили, хотя и бессознательно, плодов древа познания. Ныне наш безграмотный крестьянин уже не то, что безграмотный предок его. Он окружен живою, неотразимою грамотою, которая, если и не *просвещает*, то волнует и увлекает его. Современный крестьянин работает на заводах и фабриках, которые приводят в движение парами и машинами. Он переезжает все реки на пароходе, с неизвестною для него быстротою, он переносится из места в место по железной дороге. Если он занимается торговлею, он, может быть не раз, получал и отправлял заказы по телеграфу. Грамота, ученье в наш век уже не дело частное, домашнее, келейное, и не дело книжное. Грамота или ученье преподаются на открытом воздухе; преподаются стихиями, и этой грамотой пользуются равно все члены на-

родной семьи. Крестьянин как и барин его едут по одной железной дороге: тут грамотный и безграмотный просвещаются одним и тем же просвещением.

Что до меня касается, то я не безусловный и слепой поклонник этих успехов современного просвещения. Полагаю, что духовное и нравственное образование человечества, все то, что подразумевается под выражением «ни о едином хлебе», могут быть еще недостаточно обеспечены этими успехами и приобретениями науки. Напротив, можно еще предполагать, что, при некоторых колебаниях и не вполне рациональном направлении, они иногда способны увлечь человека на пути, которые имеют свои пропасти. Но дело не в том, радоваться ли этим успехам, или опасно смущаться ими; но не признавать, что они в настоящее время преобладают – дело безумное и невозможное: следовательно надобно с ними справляться и в некоторых пределах покоряться им. В них сила событий, не вполне подчиняющаяся человеческой воле, следовательно, надобно согласовать свои действия с нею и соображаться с нею: иначе она переломит нас и сокрушит.

При таковых явлениях, вопрос о том, что можно-ли допустить низшие общественные ряды к источнику просвещения, несколько изменяется, и уже нельзя решать его исключительно по понятиям, прежде существовавшим и имевшим законную силу. Держаться в деле народного просвещения прежних правил и опасений, было бы тоже, что держаться,

например, в военном деле системы прошедшего века. Суворов говаривал: пуля дура, а штык молодец. Ныне, по усовершенствовании огнестрельных орудий, оказывается, что пуля *поумнела*, а штык *отстал*, хотя все-таки остается молодец. Так и во многом. Что было возможно и хорошо в старое время, ныне неудобно и недостаточно. Нужно и тут благоразумье и умеренность, но одного отрицательного сопротивления недостаточно.

II

Кроме общих причин, затрудняющих ход министерства просвещения, есть еще причины частные, особенно нам свойственные. Это министерство в отношениях своих к другим министерствам, а частью и к обществу, находится в странном положении.

Во-первых, если оно и необвиняемо законно и всенародно, то, применяясь к нашему судебному выражению, можно сказать, что оно остается в *сильном подозрении*. Кроме того, оно еще как бы под опекою у других министерств. Каждое из них считает себя в праве, более или менее, вмешиваться в его дела, жаловаться, доносить на него, а иногда объявлять ему и формальные выговоры. Экономические сокращения министерства финансов, не только у нас, но и в других государствах, всего охотнее падают на него. Его считают каким-то второстепенным учреждением, и другие смотрят на него свысока. Оно пред другими находится на каком-то учительском положении: обращаются с ним, как в старинных барских домах обращались с домашними учителями: на удовольствия их отпускались сальные свечи, за столом учительское вино и так далее.

Упомянув об экономических сокращениях, нельзя не заметить, что неуместные экономии по этому министерству, опять-таки не исключительно у нас, а почти везде – то же,

что была бы в сельском хозяйстве экономия на посев. Министерство просвещения сеет, а другие министерства жнут на обработанных им полях. Лишайте министерство просвещения средств готовить образованных и способных людей, и государство останется без образованных деятелей. Государственное заведение с каждым годом становится многосложнее и обширнее: следовательно, подготовка людей с каждым годом делается необходимее, а с этою необходимостью неразрывно соединяется необходимость распространения и размножения училищ, не возможных без денежных пособий от казны. Расходы на учебные заведения преимущественно расходы производительные.

По другим управлениям случающиеся беспорядки кончаются обыкновенно домашним образом; ни высшая власть, ни общество часто о них не узнают. В министерстве просвещения каждая шалость малолетнего гимназиста принимает тотчас вид государственной важности. И что всего прискорбнее, отдельная шалость, частный беспорядок падает упреком не на местное начальство, это бы еще ничего, нет, оно падает упреком на само просвещение, колеблет веру в него и делает его подозрительным.

Здесь также не обращают внимания на одно обстоятельство, которое образует исключительную принадлежность министерства просвещения и составляет одно из его затруднений.

Другие управления имеют дело с людьми уже готовыми,

более или менее обозначившимися по своим способностям и нравственности. Годных из них употребляют они; негодных удаляют.

Министерство просвещения имеет дело с детским и юношеским возрастом. Оба возраста требуют особого внимания, попечительности, но и снисхождения. Министерство просвещения есть собственно министерство народного воспитания, а воспитание и имеет предметом искоренять недостатки, худые наклонности и пороки, свойственные человечеству.

Оно не только не может и не должно отказываться от исправления этих худых наклонностей и пороков, но обязательно...

III

Французы много шумят о своей всемирной выставке. Они с самодовольствием указывают на это мирное празднество искусств и промышленности. Они видят в ней, посреди военных непогод, потрясающих ныне Европу, свидетельство духовной силы Франции, которая одною рукою действует мечем, а другою, в торжественном развитии успехов просвещения и гражданского благоденствия, празднует и славословит мир и его благоденствия. Это отчасти может быть и правда, но эта правда требует некоторых оговорок и пояснений.

Во-первых, не должно забывать, что как некогда нравственно ослабевший и развращенный Рим требовал *зрелищ и хлеба*, так и нынешний Париж исключительно требует *зрелищ и денег*. А всемирная выставка, очищенная от всех своих честолюбивых притязаний и стремлений и приведенная к настоящему знаменателю своему, ничто иное, как *зрелище и деньги*, или, говоря другими словами: *шарлатанство и спекуляция*. О пользе не говорите: она тут дело второстепенное, если и можно принять ее в соображение. Всемирная выставка не имеет в наше время того значенья, той плодovitой поучительности, которую имела бы она за несколько десятков лет. Ныне, при многочисленности и удобстве сообщений, окрыленных на воде и на суше могуществом паров, при общей гласности, всемирной известности, всюду разливаю-

щейся посредством тысячи журналов энциклопедических и специальных, все и каждый знают не только что делается у них дома, но и то, что делается у соседа. А ныне этот сосед – весь мир, от одного полюса до другого, не исключая даже и Китая. Напрасно прятался он долго за стеною своею: ныне парами пробита и эта стена. Все и везде насквозь и настезь. Новые изобретения, новые усовершенствования не остаются под спудом; они доступны каждому. Каждая большая столица, например Лондон, Париж – и так уже постоянная всемирная выставка. Чрезвычайные съезды, торжества и празднества не нужны. Каждый будничный день есть уже сам по себе праздник всемирной промышленности. Следовательно, польза тут в стороне, то-есть польза всеобщая; остается на лицо одна польза парижская.

Парижу нужны были рассеяние и деньги; одно – для отвлечения его от забот военных; другие – для покрытия всепоглощающих расходов. Догадливое правительство снабдило его и тем, и другими. Оно открыло свою всемирную ярмарку, устроив ей роскошные и великолепные балаганы. Французские журналы, при барабанном своем бое, созвали со всех концов земли промышленников, барышников и торговцев; десятки, сотни тысяч праздношатающихся путешественников нахлынули вслед за ними. Таким образом всемирная выставка сделалась приливом всемирных денег, пущенных в обращение и на съедение многожадному и всегда ненасытному Парижу. Вместе с тем, легкомысленные

и самохвальные Парижане, забывая, что братья их страдают и погибают под стенами Севастополя, глазеют на товары и на всемирное любопытство, которое пришло к Парижу на поклон. Обстановка выставки самая искусная и заманчивая. Сам родственник Французского императора и наследник престола его, оставя поля войны и войска, коими он предводительствовал, обратился в *импрессарио* и в главного распорядителя этого чрезвычайного представления. Все было придумано и хитро улажено. Публика должна остаться довольна, и сбор в кассе должен быть значительный. Еще одна оговорка: Франция вовлечена ныне правительством своим во внешнюю войну: разносит тревоги, смуты, бедствия войны в чужой земле, далекой от её пределов. Франция много терпит, это неоспоримо; но страдания её, так-сказать, ей заочны и следовательно не так живы и чувствительны.

Это не то, что в России. Война со всеми ужасами своими вторглась в её пределы. Военные громы раздаются в ней от одного конца до другого: от Черного моря до Балтийского, от Балтийского до Белого, от Белого до Тихого океана, где сыны её также отражают нападения сильных неприятелей и бодро отстаивают честь России и русского флота.

Вся обширная Россия не только под ружьем, но ратоборствует в кровавой и безмерно протяженной сече. А между тем, не только стоит она, упорствует и защищается, но еще бодрствует и духовно действует и на других поприщах. беспримерная в летописях мира война не сосредоточивает, не

поглощает всех её забот и усилий. Россия и при ней не возмущенно, но с спокойным духом совершает, смиренно и без шума, мирные подвиги на пути просвещения. Войдите в наши университеты, в наши училища, в духовные и светские академии и вы убедитесь, что все в них кипит просветительною и любознательною деятельностью. Правительство наше не исключительно озабочено одними заботами дня сего, как они, впрочем, ни всеильны и не всемогущи; но оно печется еще о пользе и преуспевании грядущих поколений, оно расширяет, поощряет развитие трудов и успехов науки и награждает её усердных деятелей и сподвижников.

Несколько месяцев тому, когда Европейское недоброжелательство возвещало об унынии, об изнеможении России, когда Русская кровь лилась на разных почвах нашей родной земли, старейший из наших университетов праздновал в стенах первопрестольной столицы свое столетнее существование.

Это было празднество не одной Москвы, но и всей России. Вся Россия ему сочувствовала и принимала в нем теплое, деятельное и благодарное участие. На этом празднике наука подавала России столетний отчет в своих действиях на пользу и просвещение многих поколений. Сей праздник, исторические и ученые труды, как хлеб-соль приготовленные для гостей празднующим университетом, будут и отдаленнейшему потомству служить отрадным свидетельством, что и в годину тяжких испытаний Русская мысль не унывала, что

не отчаивалась она ни в настоящих, ни в грядущих судьбах России, но с твердым сознанием и с полным упованием работала и действовала.

В Бозе почивший Император Николай I не уклонил внимания своего от мирного празднества Московского университета, хотя в это время, душою и мыслью своею, он постоянно и заботливо присутствовал в рядах мужественного своего воинства и, так-сказать, жил с ним на Севастопольских твердынях. Но и под громами военными, и в виду геройских подвигов, он ласковым царским словом, отличиями и наградами почтил труды в мирной твердыне наук и народной образованности.

Тень императрицы Елисаветы, тени Шувалова и Ломоносова могли радостно вздрогнуть, видя, что и посреди кровавых испытаний, дело рук и попечений их поминается и прославляется благодарною Россией.

А ныне, в виду и под пушками враждебных флотов, С.-Петербургский университет расширяет круг своей ученой деятельности: для удобнейшего и деятельнейшего сосредоточения открывает или, лучше сказать, переносит в себе новый факультет восточных языков. Преподаватели и слушатели уже готовы. Это новое учреждение, совершенно своевременное по цели своей, обещает богатые последствия и в будущем. Сношения России с народами Азиатскими суть сношения, основанные на исторических и географических началах, следовательно, никакие события, никакие ухищрения

и усилия западного недоброжелательства не могут изменить их. Напротив, время и развитие образованности, полнейшее и ближайшее изучение восточных языков, должны придать этим вековым сношениям новую силу и извлечь из них новую пользу.

В начале прошедшего года министр народного просвещения ходатайствовал пред Государем Императором о дозволении повергать на благоусмотрение Его Величества ведомость, за каждую треть года, о произведениях Русской письменной деятельности, которые, по строгом обсуждении, признаны будут достойнейшими монаршего внимания и особенного поощрения. Император Николай I изъявил, в 8 день февраля 1854 года, Высочайшее соизволение свое на приведение представления сего в исполнение. Нет сомнения, что сия поощрительная мера принесет желанные плоды. Дарования, посвятившие себя важному и общественному труду наук и словесности, воодушевятся новою к нему ревностью, при ободрительной для них мысли, что значительная и лучшая часть их деятельности будет совершаться, так-сказать, пред глазами державного покровителя умственного преуспеяния в отечестве. Это царское поощрение и прежде было постоянным двигателем Русской словесности. Начиная от Ломоносова, никакое отличное дарование не ускользало от царского внимания и покровительства. В наши дни Карамзин, Жуковский, Крылов, Пушкин, Гоголь, Батюшков и многие другие не только поощрены, но и обеспечены были щед-

ротами правительства в отношении к житейским потребностям, отличены и возвышены по заслугам своим. Но отныне это поощрение приведено, так-сказать, в законный порядок, имеет законную силу и вошло в состав правительственных учреждений.

В конце прошедшего года поднесена была Государю Императору ведомость о семнадцати новых сочинениях; и в числе авторов, обративших трудами своими наиболее внимания, удостоены были монаршего благоволения профессора Московского университета Соловьев и Калачов и в должности адъюнкта при киевском – Федоренко.

Ныне министр народного просвещения имел счастье всеподданнейше повергнуть на Высочайшее воззрение благополучно царствующего Императора ведомость о замечательнейших сочинениях, вышедших в свет с января текущего года.

При этом удостоились особенного внимания Государя следующие сочинения:

1) *История Русского раскола, известного под названием старообрядства*: автору её Макарию, епископу Винницкому, всемилостивейше повелено объявить Высочайшее благоволение.

2) *История Московской греко-славяно-латинской академии*: автору её, бакалавру Московской академии, Смирнову также всемилостивейше повелено объявить Высочайшее благоволение.

3) *Юридический сборник*, издаваемый профессором Казанского университета Мейером, которому всемилостивейше пожалован бриллиантовый перстень.

3) *Русская геральдика*: автору её, надворному советнику Лакьеру, всемилостивейше повелено объявить благоволение.

5) *Ад*. Поэма Данта Алигьери. Перев. Мина. Переводчику поэмы всемилостивейше пожалован бриллиантовый перстень.

В тоже время министр народного просвещения имел счастье поднести Государю Императору *Собрание сочинений Коперника*, изданное в латинском подлиннике с польским переводом. Издателю и переводчику сочинений, директору Варшавской астрономической обсерватории Барановскому всемилостивейше пожалован бриллиантовый перстень.

Нельзя здесь не заметить, с особенным удовольствием, что в общем движении деятельности Русского слова преимущественно проявляется направление совершенно народное. Изучение России в её истории, в общественном быте, языке и преданиях её, в свойстве и естественной производительности её, особенно обращают на себя внимание и труды наших изыскателей и производителей. Дорога, прочищенная Карамзиным и многолетними трудами его, с каждым днем более и более обрабатывается и сближает нас с желанною целью: вполне узнать и оценить любезное наше отечество и, вследствие того, еще сознательнее возлюбить его любовью

просвещенною.

Можно надеяться, что, при дальнейшем развитии сего направления, народные, Русские стихи окончательно установятся в нашей словесности и восторжествуют над заимообразными началами, которые, слишком часто доньше сворачивали ее с пути и стесняли её природные движения. Разумеется, здесь идет дело и речь не о заключении словесности нашей в четырех стенах. Уму нужны общительность и взаимная мена понятий, сведений, вдохновений. Но если занимать и перенимать чужое, то следует перенимать одно хорошее, одно доброе в умственном, изящном и нравственном отношении. Не ищите вдохновений и руководства себе в литературах, которые отжили свои цветущие и зрелые возрасты и ныне проявляют остатки сил своих в судорожной и болезненной тоске.

В эпохи политического, гражданского и общественного беспорядка литература также должна быть беспорядочная и тревожная.

Возвысьтесь выше! Не увлекайтесь одною современностью, какою ни была бы она. Сокровища веков пред вами: они и современны, и долговечны. Изучайте их прилежно, передавайте, переправляйте их в Русскую мысль, в Русскую речь. Жуковский переводом Одиссеи подарил поэзию нашу превосходным Русским творением. Не сравнивая достоинства обоих переводов, переводчик Данте добросовестным трудом своим пополнил недостаток, давно ощутительный в

нашей литературе. И труд его удостоен всемилостивейшего награждения.

Правительство равно поощряет полезные и замечательные труды во всех отраслях письменной деятельности. Наука имеет в нем благосклонного поощрителя и покровителя. Сама поэзия не остается без сочувствия и внимания.

Закончим статью свою общим выводом, равно замечательным и отрадным. В нынешних тревожных и военных обстоятельствах вооруженная и отражающая Россия не ослабевает в своей ученой и литературной деятельности, обращая ее, преимущественно, на труды самостоятельные, отечественные или имеющие общую всемирную цену и занимательность. Правительство, коего все внимание могло бы быть поглощено важностью настоящих событий, во всеобъемлющей своей любви ко всему, что относится в пользу и славе отечества, уделяет внимание свое и на труды науки и словесности.

В сем обоюдном проявлении заключаются несомненные признаки духовной силы настоящей России и благонадежный залог её грядущих судеб.